

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Литература по истории крайне правых партий и организаций всегда несла на себе отпечаток политических пристрастий и идеологических штампов. На протяжении многих десятилетий представлялись эти партии не как специфические объединения существовавшей в стране партийной системы, а как партии политических противников. По идеологии, политическим установкам правомонархические партии квалифицировались как партии реакционеров, ретроградов, мракобесов и к тому же антисемитов, по составу и численности — как отребье общества, уголовники, в значительной мере — люмпены, представители мелкой буржуазии, чиновничества, пьяницы и лихоимцы, незначительные по числу членов (но выдававшие свои партии за многомиллионные объединения); по главным средствам, приемам борьбы — погромщики и т.д. Большинство этих характеристик исходило от политических противников правых — радикалов и либералов. Председатель правой фракции III Государственной думы проф. А.С.Вязигин в одной из брошюр, касавшихся истории политических партий в России, писал в 1909 г.: «...сближению между правыми различных наименований больше всего мешали вздорные измышления и предубеждения, упорно рассеиваемые левой печатью против так называемых «крайних правых», которых выдавали и выдают за «реакционеров», «ретроградов», «крепостников», «революционеров справа», чуть не за людоедов, ежедневно завтракающих живыми иудеями и помышляющих только о погромах. Но совместная работа в разного рода комиссиях, личное знакомство, частый обмен мыслей разрушили во многих эти нелепые предубеждения... многие члены Думы пришли к заключению, что «с правыми» иметь дело можно... о разгоне Думы [правые] не помышляют, политического переворота и восстановления бюрократического засилья не готовят, недочеты бюрократии не только не покрывают, но даже сами вносят запросы, ведущие к крупным разоблачениям промахов, сделанных сановниками бюрократии; при

обсуждении законопроектов обнаруживают полную готовность содействовать осуществлению гражданских свобод, но постоянно горячо восстают против попрания законности, каких бы то ни было поблажек революционному освободительному [движению], равно как против всяких домогательств, расшатывающих исторические устои России»¹. Выступая на VI съезде Русских людей в феврале 1913 г. и коснувшись этой же темы, В.М.Пуришкевич призывал остерегаться не столько открытых врагов (революционеров), сколько скрытых, включая определенную часть сановников, которые «стараются изобразить нас какой-то дикой бандой хулиганов»². На отчетном собрании Союза Михаила Архангела в конце того же года он говорил, что левая печать, стремясь внести разлад и ссору в среду правых, называет их реакционерами³. В.Г.Орлов в одном из публичных выступлений в Москве в марте 1914 г. говорил, что нет ни одного смертного греха, в котором «освободители» не обвинили бы правых: «Союзник был, в их освещении, синонимом чего-то грязного, пьяного, дикого, невежественного, жестокого»⁴. Председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий, обращаясь к премьеру И.Л.Горемыкину и министру внутренних дел А.Н.Хвостову 30 июня 1915 г., писал: «Запретите газетам поносить монархистов. Такие выражения* как мракобесы, бывшие люди и прочие по отношению к правым... недопустимы... Этой гнусной работе левых надо положить конец»⁵.

Если попытаться выделить основные этапы в изучении темы, связанные с изменением каких-то существенных характеристик и оценок, то можно констатировать наличие двух периодов: от появления в 1906—1913 гг. первых работ до начала 1990-х годов и с начала 90-х годов до настоящего времени.

До 1917 г. специальные работы о правых партиях были единичны, причем авторами были в основном либо радикалы: меньшевики — В. Меч (В.Д.Мачинский), В.О.Левицкий (В.О.Цедербаум), Е.Маевский (В.А.Гутов-

¹ Вязигин А.С. «Гололобовский инцидент» (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909. С. 11.

² Правые партии. Т. 2. М., 1998. С. 316.

³ См.: Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 411.

⁵ Союз русского народа. С. 316.

ский) и Д.Кольцов (Б.А.Гинзбург), представители трудовой народно-социалистической партии — Б.Алтайский, С.Я.Елпатьевский и др., либо либералы — В.П.Обнинский, М.Оленев, что накладывало определенную печать и на их общую тональность, и на выводы авторов.

/Предварительно, однако, остановимся на работах большевиков (В.И.Ленина и др.) и меньшевиков (Ю.О.Мартова и др.), посвященных характеристике правых партий в папщидой системе страны!^

«Работы лидеров социал-демократии обоих течений представляли собой прежде всего политические документы! Они были предназначены для того, чтобы помочь населению разобраться в группировках партийных сил, действовавших накануне выборов в Государственную думу; В этих случаях не обходилось и без известного огрубления характеристик и оценок. Введенная же в оборот уже в 1905 — 1906 гг. ленинская терминология, по понятным причинам, широко использовалась не только в партийной, но и в научной литературе советского времени.

/В работе Ю.О.Мартова правомонархичефким партиям (СРН, РМП и др.) был отведен особый раздел «Правые реакционно-консервативные партиик^В нем говорилось, что «консервативные (или правые) партии стоят за сохранение господствующих порядков»^; Но вместе с тем они «сплошь и рядом добиваются восстановления уже давно исчезнувших учреждений» и таким образом консерваторы становятся «...реакционными (людьми, добивающимися попятного движения истории)»². В пояснении говорилось, что они «не прочь вернуть кое-что из времен крепостного права и даже из еще более старых времен московских царей».

(^бсенью 1906 г. появилась газетная статья В.И.Л§цина «Опыт классификации русских политических партий»^ В ней подчеркивалось, что революция и новая избирательная кампания требовали отчетливого определения отношения к различным партиям, а «это возможно лишь на основании научного, т.е. классового анализа их»³. Далее В.И.Ленин

¹ Мартов Ю.О. Политические партии в России. 1906; Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий (1906 г.); Проект обращения к избирателям (1906 г.); Политические партии в России (1912 г.) // Ленин В.И. ПСС. Т. 14. С. 21-27, 109; Т. 21. С. 275-287.

² Мартов Ю.О. Политические партии... С. 5.

³ Ленин В.И. Т. 14. С. 21.

называл «пять основных типов наших политических партий: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы». ТГ черносотенцам были отнесены Союз русского народа, Русский монархический союз и тому подобные партии и союзыГ|«Они хотят, — продолжал Ленин, — не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. ®*их интересах — вся та грязь, темнота и продажность, ^соторые процветают при всевластии обожаемого монарха.Г Их сплачивает бешенная борьба за привилегии камарильи, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей РоссииЛЗащита во что бы то ни стало теперешнего царского правительства сплачивает их сплошь да рядом с октябристами...»¹. В «Проекте обращения к избирателям» (ноябрь 1906 г.) В.И.Ленин повторил в определенной мере эту характеристику: черносотенцы, их партии «стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение помещичьей земли», за поддержку правительства погромщиков и военно-полевых судов. При этом, в отличие от предыдущей работы, он включал в число партий черносотенцев и Союз 17 октября, и Партию мирного обновления².

В ленинских работах 1906—1907 гг. неоднократно давалась характеристика классовой природы политических партий, в том числе правых (при этом отмечалось, что Объединительный IV съезд РСДРП «уклонился от задачи классового анализа политических партий в России») ³. В «Проекте резолюций к Пятому съезду РСДРП» подчеркивалось, что черносотенные партии все решительнее и определеннее выступали как «классовые организации крепостников-помещиков»⁴. В этой же связи можно указать и на высказывание В.И.Ленина о демонстрируемом III Госдумой имманентном союзе «Романова и Пуришкевича, царизма и «Союза русского народа», самодержавия и Дубровинщ—Илиодоров—Половневых»⁵.

Ш мае 1912 г. В.И.Ленин опубликовал статью в газете «Невская звезда» «Политические партии в России». В ней СРН Дубровина был отнесен к «крайним правым парти-

¹ Ленин В.И. Т. 14. С. 26.

² Там же. С. 109, 132.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. Т. 15. С. 4—5.

⁵ Там же. Т. 17. С. 401.

ям» и отмечалось, что программа этого Союза «повторяет, в сущности, старый лозунг крепостного права — православие, самодержавие, народность»? В этой статье В.И. Ленин вновь затронул вопрос о социальном составе правых партий. Он писал: «Правые — партия крепостников-помещиков, Совета объединенного дворянства». Правда, затем пояснялось: «Конечно, прямо говорить о защите интересов помещиков нельзя. Говорится о сохранении старины вообще... Привилегии дворян, чиновников и помещиков стараются прикрыть речами об «угнетении» русских инородцами». Далее отмечалось, что правые и националисты — «это не две, а одна партия, поделившая между собой «труд» травли инородца, «кадета» (либерала), демократа и т.д. Да и правительству выгодно, чтобы «крайние» правые, способные на всяческий скандал, погром, на убийство Герценштейнов, Иоллосов, Караваевых, стояли немного в стороне, как будто бы они «критиковали» правительство справа. Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может»¹. Думается, что характеристики и оценки правых, данные в упоминавшихся и иных работах В.И. Ленина, а также других социал-демократов, и определили подходы и терминологию авторов советского времени при освещении данной темы.

Вернемся, однако, к характеристике литературы радикалов и либералов/»

Одним из первых по этой тематике выступил В.Меч. В своем очерке, опубликованном в 1907 г., он характеризовал идеологию СРН как «мелкобуржуазный вульгарно-демократический национализм». Он же попытался сопоставить «националистические организации» в России со сходными организациями в странах Западной Европы. Его заключение сводилось к следующему: «Близкие, хотя все же более культурные аналогии... мы находим в известной австрийской партии Люэгрена и во французских националистах Деруллада, Дьомона»².

⁴ Вскоре появились и другие меньшевистские очерки³. Левицкий, отметив у правых различия в подходе к некото-

¹ Ленин В.И. Т. 21. С. 278, 280.

² См.: Меч. В. Силы реакции // Борьба общественных сил в русской революции в 1905-1906 гг. Вып. 1. М., 1907. С. 64.

³ См.: Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914. С. 247-469; Маевский Е. Общая картина движения // Там же. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1910. С. 34-184; Кольцов Д. Рабочие в 1905-1907 гг. // Там же. С. 272-277.

рым вопросам (таким было, например, их отношение к Государственной думе), констатировал¹ что в главном — в том, /что касается подавления революции и сохранения самодержавно-монархического строя²) — все они были если не едины, то во всяком случае очень близки друг другу. Вместе с тем в меньшевистской литературе достаточно реалистично характеризовалась социальная база правых партий, в частности, констатировалось участие рабочих в правых организациях. Более того, Левицкий писал, что долгое время Путиловский завод в Петербурге и Брянский в Екатеринославе считались «опорными пунктами черносотенной агитации»¹.

Левицким была сделана интересная попытка выяснить причины симпатий некоторых групп рабочих к правым организациям. «В рабочем классе в 1905 — 1907 гг. были, как есть и теперь, — писал он в 1914 г., — отсталые слои, только еще вышедшие из деревни или уездного города, с психологией их обывателей. Революция разбудила их, подобно мещанству и крестьянству, от полного индифферентизма, но причин своего тяжелого положения они понять не могли, так как до классового самосознания еще не доросли. Черносотенные агитаторы указывали им на евреев, интеллигенцию и социалистов как на виновников забастовок, разоряющих промышленность, порождающих безработицу и ухудшающих их положение. Эта агитация встречала отклик в этих слоях рабочих, которые записывались в правые организации, где при помощи связей им доставляли места на заводах»².

Специальную статью, посвященную правомонархическим черносотенным организациям, опубликовал в 1906 г. Б.Алтайский. Он отметил, что черносотенные партии «в своей первой части, конечно, не что иное как внезапное порождение Охранного отделения Департамента полиции, как жандармерия в разнообразнейшем статском платье?») Постоянные кадры помогают ловить «политических», а S торжественны³ дни «шляются по улицам с портретом, поют гимн, служат молебны и режут людей — из патриотизма; потом взламывают еврейские лавки и воруют...»³

¹ Левицкий В. Правые партии // Там же. Т. 3. Вып. 5. С. 354.

² Там же. С. 454-455.

³ Алтайский Б. Кое-что о черной сотне // Народный труд. Народно-социалистическое обозрение. Вып. 2. СПб., 1906. С. 36.

Приливающая к черносотенникам масса состояла, по его" заключению, «из лиц междуклассового, неопределенного в социальном отношении типа, часто меняющего свое «положение»: строительных рабочих, плотников, печников, землекопов, возчиков, рабочих «старой, еще очень жизненной у нас «мануфактурной» складки», занятых в кузнях и т.п. глухих провинциальных нор? Жена такого, часто поденного рабочего, могла содержать «мелочную торговлю». Слой этот преобладал в городском населении». Психология таких людей путанна, замечал Б.Алтайский, и к ним не подойдешь с платформы работы левых в крестьянстве или в пролетариате. Эти люди мечтали об уничтожении «канцелярского крапивного семени», господ и студентов, и «пузанов-богатеев». Уничтожение средостения между царем и народом должно было, по их мнению, сделать жизнь «черному народу» лучше¹. Характеризуя «политическое» мировоззрение этого слоя, Б.Алтайский приводил записанную в Томске фразу: «Народная свобода — подписуемся и что крестьянину земли надо — принимаем. Но чтоб Россию разделить — не позволим, и чтоб [кто-то] бунтовал — прекратить...»²

Экономической платформой при попытке вовлечь этот слой в революционное движение могло бы послужить, по мнению автора, «обоснование удешевления жизни путем реформы налоговой системы»³.

(В числе первых по времени выхода были книги либерала В.П. Обнинского, изданные в 1906—1913 гг. в России и за рубежом⁴. Однако, внимание в его работах было сфокусировано почти исключительно на таком аспекте, как причастность (действительная или возможная) правых партий и их представителей на местах к организации прошедших в 1905—1906 гг. погромов, к уличным столкновениям «черносотенцев» с теми, кто приветствовал Манифест 17 октября 1905 г. или требовал даже большего⁵. С подобным подходом «увязывались» и некоторые характеристики и оценки. Так, по поводу социального состава

*

¹ Алтайский Б. Указ. соч. С. 39—40.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 38.

⁴ Обнинский В.П. Полгода русской революции: Сборник материалов к истории русской революции. М., 1906; он же. Новый строй. Ч. 1. М., 1909; Ч. 2. М., 1913; он же. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, 1912. (То же. М., 1992).

правых организаций. Обнинский писал, что это была некультурная масса, руководимая авантюристами и политическими убийцами. Уездные отделы СРН, по его мнению, состояли «сплошь и рядом из пары-другой забулдыг, в вине потопивших всякий смысл и чувство **Мерби**»¹ «Тщетно было бы искать корней Союза [русского народа] в крестьянской Массе»² — продолжал Обнинский. — Как сорная трава он мог корениться лишь на городских задворках, там, где ютятся обычно пострадавшие по суду лихоимцы, разный темный, оголодавший сброд...»¹ Как уже отмечалось историографами, «характеризуя работы представителей либерального лагеря, нельзя не отметить, что они создавались в период активной идейной и практической [партийной] борьбы между различными силами. Поэтому невозможно было избежать политической заостренности, повышенной эмоциональной окрашенности оценок и выводов. Даже работы В.П.Обнинского... остались в большинстве случаев публицистическими произведениями, обличающими центральную и местную власть, полицию в попустительстве или прямой организации погромов. Либеральных авторов не интересовали причины и цели организации черных сотен, образования монархических партий; не занимали их и проблемы социального состава... организаций, они ограничивались упоминаниями о «темных элементах», «подонках» или «отребьях общества», «босых хулиганах и громилах»².

(М.Оленев в одной из статей 1908 г. попытался проанализировать платформу правых по рабочему вопросу и их практическую деятельность по реализации соответствующих программных установок. Общий вывод его сводится к следующему: правые считали, что «права рабочего класса следует расширять исключительно в экономической сфере; можно обещать все, что угодно, но реформа не должна коснуться политических рамок» существующего строя! В арсенал используемых ими средств правые включали все, что могло служить воспитанию рабочих в реформистском «желтом духе» — от касс взаимопомощи до производственной кооперации, а также различные виды страхования,

¹ Обнинский В. Новый строй. Ч. 1. С. 268, 272, 276.

² См.: Иерусалимский Ю.Ю., Кокорина Е.А. Историография черносотенного монархического движения в 1905—1907 гг. // Вестник МГУ. Серия 8 (История). М., 1994. № 3.

начиная с обеспечения инвалидов и до общественных работ для безработных¹.

Можно также отметить написанную монархистом и русским националистом В.В.Шульгиным в стане белых в 1918 г. статью «Монархисты», где подчеркивалось, что в основе правого движения лежит особая психология монархизма — «инстинктивная склонность и потребность подчиняться иерархическому началу», «подчиняться, чтобы побеждать»². В распространенности этой психологии Шульгин усматривал предпосылки будущих успехов белой армии.

В 20-х — начале 30-х годов и подход к теме, и терминология, и характеристики правых партий и организаций мало отличались от тех, что были в дореволюционной либеральной и радикальной литературе.)

В советский период, до начала 30-х годов, появилось всего несколько специальных работ В.Н.Залежского, С.Б.Любоша и др. о правых монархистах³, а также книги и брошюры А.Е.Евгеньева (А.А.Кауфмана), И.Когана, А.Киржница о причастности правых партий и организаций и 1905 г. к погромам, и книги Б.Кандидова, Г.Д.Костомарова, Н.М.Ростова о связи священнослужителей с правым движением⁴.

О работе В.Н.Залежского была представлена своего рода схема возникновения правых организаций: револю-

¹ Оленев М. Рабочий вопрос у правых // Современный мир. СПб., 1908, январь. Отдел II (Наука и жизнь). С. 67—78.

² Шульгин В. и А. Монархисты. Статьи В.Шульгина и А. Вып. 1. Екатеринбург, 1918. С. 4 и 5.

³ Островцов А. Последние могикане старого строя. М., 1925; Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Ткачков И. Темные силы в дни первой революции и в годы реакции [Харьковский отдел СРН 1905—1916 гг.] // Пути революции. Историко-революционный журнал. Харьков, 1926. Кн. II—III. С. 223—229; Залежский В.Н. Монархисты. Харьков, 1929; Виктор В.П. Вступительная статья // Союз русского народа. М.; Л., 1929.

⁴ Евгеньев А.Е. Царские погромщики. Пг., 1919; Коган И. Погромы в дни свободы (октябрь 1905 г.). М., 1925; Киржниц А. Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. М., 1930; Кандидов Б.П. Церковь и 1905 г. Очерки и материалы. Изд. 2-е. М., 1930; Кандидов Б.П. Церковь и Февральская революция: Материалы и очерки. М., 1934; Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930; Попов Ф.К. Попы-черносотенцы (По Ярославским и другим архивным материалам). М.; Иваново-Вознесенск, 1932; Костомаров Г.Д. Черная сотня под флагом религии в 1905. М., 1931.

ция вызывает контрреволюционные настроения в средних городских слоях у которых в условиях ухудшения своего положения под влиянием экономического кризиса и войны организуются в политические союзы правого, монархического толка, используемые дворянством и духовенством в своих интересах. ^После спада революции правительство дало понять, что оно уже не нуждается (по крайней мере в прежнем объеме) в услугах «черной сотни», как в 1905 — 1917 гг., и это привело к спаду правого движения^)

^Практически все авторы, писавшие о правых партиях и организациях, затрагивали вопрос об их социальной базе. И почти всегда отмечалось, что она состояла «преимущественно^ из деклассированных и паразитических элементов»¹. Кандидов нарочито тенденциозно характеризовал социальную базу Союза русского народа, Союза Михаила Архангела и других правых организаций. Эти партии, писал он, «выражали интересы помещиков, царских чиновников и попов.^Помимо указанных, в ряды этих банд входили дворники, тайные и явные полицейские, так называемые «белоподкладочники» (из рядов барского студенчества), некоторые приказчики, всевозможные проходимцы и жулики»². Это было шагом назад даже по сравнению с работами меньшевистских авторов предреволюционного времени. Правда, в некоторых немногих случаях авторы пытались выйти за эти рамки. Тот же В.Н.Залежский отмечал, что Союз русского народа ориентировался на социальные слои, которые были недовольны существовавшими порядками, но не связывали улучшение своего положения ни с революцией, ни с либеральными реформами. С учетом этого программные установки СРН были обращены к определенным слоям рабочих, крестьян, мелкой буржуазии (по вопросам рабочего законодательства, инвестирования сельского хозяйства и мелкой промышленности), преследуя цель «выключить» эти слои из активной политической борьбы.

^Останавливаясь на тактике правых монархистов, В.Н.Залежский свел ее в значительной мере к провокациям, погромам, убийствам, направленным на ликвидацию революционеров и на терроризирование населения^Погромы определялись как «главное орудие борьбы с революцией черносотенцев», хотя и констатировалось, что подоб-

¹ Залежский В. Указ. соч. С. 50.

² Кандидов Б. Церковь и 1905 г. С. 89.

ная деятельность не смогла остановить революционного движения¹. При этом члены СРН назывались активными участниками погромов последней декады октября 1905 г., хотя Союз формально был создан лишь 8 ноября этого года.

Н.М.Ростов, касаясь вопросов тактики правых, сделал попытку определить ее этапы, которые, по его мнению, были связаны с различным отношением к Государственной думе/ЗОН полагал, что в то время, как дубровинцы «отвергали законодательную думу вообще, меньшинство, следуя за Пуришкевичем, примирилось с третьейиюньской Думой, справедливо рассматривая ее как подлинное выражение контрреволюции.. Это признание повлекло за собой и пересмотр тактики в смысле отказа от нелегальных методов борьбы, от убийств политических противников»². Не анализируя это высказывание по существу, важно заметить, что Н.М.Ростов был одним из первых, кто отличал тактику правых после 1907 г. от их тактики предшествовавшего времени.

В этой же монографии была сделана попытка объяснить причины раскола, распада и, в конечном счете, ухода с политической сцены правых в марте 1917 г. Н.М.Ростов писал, что главной причиной наступившего после революции 1905—1907 гг. «разлома и распада» правых партий был «разношерстный социальный состав контрреволюции, противоречивость классовых интересов входивших в нее групп/Що тех пор, пока от контрреволюции требовались одни лишь отрицательные проявления, она была единой, но когда пришлось перейти к созидательной работе, разнородные элементы вступили между собой в ожесточенные схватки»³. Ростов констатировал также, что в февральско-мартовские дни 1917 г. «во всей России не нашлось и десятка черносотенцев, которые встали бы на защиту царя». Он объяснял подобное поведение правых словом «аппарата самодержавия», с которым все правые были тесно связаны⁴.

Нельзя не сказать, что при всей тенденциозности литература о правых 20-х — начала 30-х годов содержала интересный материал об их деятельности на местах. Авторы

¹ Залежский В. Указ. соч. С. 44.

² Ростов Н. Указ. соч. С. 139.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 155.

статей о деятельности правых в тех или иных городах и губерниях (в Харькове, Костромской обл.) вводили в оборот немало конкретного материала, который в некоторых случаях не согласовывался с их общими положениями. Так, данные А.Конокотина об образовании в середине 1907 г. Костромского отдела «Киевского Союза русских рабочих людей» под председательством Еремеенко¹, в какой-то мере шли вразрез с характеристикой социальной базы правых того же автора.

И.Ткачуков в статье, посвященной деятельности одной из значительных и известных правых организаций — Харьковского отдела СРН, наряду с темой «погромного движения», затронул и некоторые необычные сюжеты — о скандальном и непристойном поведении правых на собраниях, связанных с выборами в IV Государственную думу, попытках губернатора закрыть отдел Союза, а также о «пересмотре» приехавшим в 1915 г. докладчиком В.А.Берновым традиционного отношения к «еврейскому вопросу» и реакции на это местных «союзников»².

(В советское время имена многих деятелей правого толка исчезли со страниц исторической литературы. В их числе оказались историк Д.И.Иловайрт, председатель правой фракции III Думы А.С.Вязигин³. Имена же руководителей правых организаций, которых нельзя было не упомянуть, давались в негативно-карикатурном виде. Показательна в этом отношении «Биографическая заметка» о В.М.Пуришкевиче, приведенная П.Кононенко в «Словаре-справочнике по истории рабочего движения в России»: «...бессарабский помещик, игравший видную роль в Объединенном дворянстве; основатель погромного «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Столп мракобесия и оголтелого черносотенства, гонитель «инородца», член Гос. думы»³.

После прихода к власти в Италии Муссолини, в ряде работ (С.Б.Любоша, В.Н.Залежского) появились попытки провести параллель между фашистами 20-х годов в Западной Европе и членами правых организаций 1905 — 1907 гг. в России, хотя делалось это без должного обоснования.

¹ Конокотин А. Черносотенное движение в Костромской губ. // 1905 год в Костроме: Сб. статей. Кострома, 1926. С. 153.

² Ткачуков И. Указ. соч. С. 223 — 228.

³ Кононенко П. Словарь-справник по истории рабочего движения в России. М.; Л., 1925. С. 343.

Любош в брошюре 1925 г., заявив, что В.М.Пуришкевичу «удалось запрячь в свою телегу Столыпина», далее характеризовал его как «реального политика фашистского типа», «первого русского фашиста» и утверждал, что «русский фашизм», под которым подразумевалось черносотенство, «на десятилетие старше европейского»¹. Залежский писал о том, что СРН был «первой фашистской организацией задолго до появления фашизма в Европе», что «организация Союза носила ясно выраженный фашистский характер». При этом сходство определялось такими показателями как «вооруженная и организованная сила», главная масса которой вербовалась из «низов» — из среды мелкой буржуазии, люмпенов и т.п.²

Досле выхода в свет на рубеже 20—30-х годов названных работ внимание к правым организациям практически сходит на нет и вновь возраждается лишь после сорокалетнего перерыва в 60—70-х годах. Можно заметить, что в 1939 г. в Главном архивном управлении НКВД СССР по специальному заданию формируется картотека «контрреволюционных и антисоветских элементов», в частности, «руководящего состава и членов монархических организаций (Союза Михаила Архангела и др.)». Это, естественно, не могло не отразиться и на исследовательском внимании к этой тематике.³ Даже в 50—60-х годах авторы диссертаций о событиях 1905—1907 гг., как справедливо отмечали в историографической статье Ю.Ю.Иерусалимский и Е.А.Кокорина, обходились «без обращения к истории правых союзов»⁴.

О «границах» официально разрешенного обращения к этой тематике косвенно можно судить по предписанию директивных партийных органов редколлегии БСЭ, относящемуся к середине 50-х годов. Редколлегия получила «Список отрицательных персоналий, о которых могут быть даны краткие справки в БСЭ». В этом «Списке» значились «Марков 2-й Н.Е. — руководитель черносотенцев» и «Пуришкевич В.М. — монархист, черносотенец»⁵.

¹ См.: Любош С.Б. Указ. соч. С. 11.

² Залежский В. Указ. соч. С. 30, 50.

³ См.: Копьнюва О.Н. О поисках «Спецкартотеки ГАУ НКВД СССР» // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 33.

⁴ См.: Иерусалимский Ю.Ю., Кокорина Е.А. Указ. соч. С. 35.

⁵ См.: Власть и историческая наука / Публикация А.Д.Чернева // Отечественные архивы. М., 1992. № 3. С. 72.

Последовавшая за подобным предписанием заметка о Маркове в томе, изданном в 1954 г., отличалась не только краткостью, но и явной тенденциозностью в подаче материала. Приводим ее полностью: «Марков (Марков 2-й) Н.Е. (р. 1876) — крупный помещик Курской губ., реакционер, один из лидеров крайних правых в 3-й и 4-й Гос. думах, где был главным организатором скандалов черносотенцев. Ярый защитник самодержавия, М[арков] являлся одним из руководителей черносотенных погромных организаций «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» (см.), созданных царизмом для борьбы с революцией. После 1917 — белоэмигрант».

Мало чем отличалась в своих подходах и оценках статья «Союз русского народа» в 40-м томе БСЭ, изданном в 1957 г. В ней говорилось, что главную роль в СРН играли помещики, а также купцы, сотрудники полиции, кулаки, духовенство. Основными задачами СРН назывались поддержка царской власти, защита привилегий дворянства, чиновничества, беспощадная борьба с революционным движением. Тактика сводилась к открытому избиению и убийству передовых революционных рабочих и интеллигентов, разгону и расстрелу митингов, организации погромов¹ травли на национальной почве.

Шервой — после долгого молчания — работой, посвященной истории правых и претендовавшей на научное исследование проблемы, был изданный в 1970 г. курс лекций о непролетарских партиях В.В. Комина. Он опирался на материалы, сборника документов 1929 г. и в основном касался СРН. Но подходы к освещению истории правых партий оставались еще во многом прежними! Так, Комин писал, что «царизм для борьбы с революцией создал ряд организаций и партий, открыто защищавших самодержавие, выступавших против какого бы то ни было ущемления самодержавной власти. К этим партиям следует отнести прежде всего «Союз русского народа» со всеми его филиалами и партию националистов, ничем существенным не отличающуюся от первой. Это были самые реакционные, черносотенные политические партии России, стоявшие на крайних правых позициях в структуре российских политических партий с начала XX в. Это были партии крепостников-помещиков»². И далее: «Старая формула русского ца-

1 Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Курс лекций. Калинин, 1970.

2 Там же. С. 14.

ризма «Православие, Самодержавие и Народность», являвшаяся символом косности и реакционности русского самодержавного строя со времен Николая I, была принята на вооружение реакционными классами России и в начале XX в., в годы развивающегося революционного движения. В СРН эта формула была усилена программным положением о национализме, принявшем человеконенавистнические, откровенно зоологические формы. Национализм стал боевым лозунгом СРН, одним из основных пунктов его программы и тактики¹. Социальные требования правых (сохранение общинного землевладения, улучшение положения всех трудящихся классов, включая рабочих, увеличение надель малоземельных крестьян, содействие их переселению и т.д.) квалифицировались как «демагогические»².

¹З книге приводилась обычная для советской литературы характеристика состава СРН: «Союз состоял из представителей мелкой буржуазии, мещанства и деклассированных элементов, вовлеченных в Союз путем подкупа, шантажа и различных обещаний»³. По всем вопросам внутренней политики «Союз полностью солидаризировался с царским правительством... Ура-патриотические фразы, брань в адрес всех, кто выступал с критикой правительства, — вот круг деятельности этой партии в годы войны». «Царское правительство, продолжая поддерживать на местах организации Союза, готовило их к активной деятельности в случае революции, стремились укрепить их боевые дружины»⁴. Но к началу 1917 г., как отмечал В.В.Комин, СРН «растерял все свои силы. Та часть народных масс, которая была обманута дворянами-крепостниками в годы первой русской революции, отошла от Союза навсегда. Откололась от Союза и большая часть буржуазных элементов, нашедших свое место в рядах окрепших к тому времени буржуазных партий. Верными Союзу остались лишь небольшие группы чиновников и представителей духовенства»⁵.

В статье Н.П.Ерошкина в «Советской исторической энциклопедии», опубликованной в 1971 г., СРН характеризовался как «массовая черносотенная организация», объединявшая «реакционных представителей мелкой буржуазии города, помещиков, часть интеллигенции, духовенств-

¹ Комин В.В. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 32 — 33.

ва, деклассированные городские элементы (напр., в Одессе), часть кулачества (особенно на Волыни), некоторую часть малосознательных рабочих и крестьян»¹. А об основных программных положениях СРН было сказано следующее: «Единство и неразделенность России, сохранение самодержавия, единение его с народом в совещательном органе (Земский собор), воинствующее православие и религиозная нетерпимость, великодержавный шовинизм и антисемитизм, а также некоторые пункты демагогического характера: критика бюрократии, сохранение общинного землевладения, уравнивание прав всех сословий, государственное страхование для рабочих и т.п.» В статье говорилось об агитационной деятельности СРН, приведшей к погромам в 1906 г., об осуществлении его членами индивидуальных террористических актов (убийства М.Я.Герценштейна, Г.Б.Иоллоса, А.Л.Караваяева, два покушения на С.Ю.Витте), о том, что СРН был «вдохновителем в деле Бейлиса». Деятельность СРН после 1907 г. характеризовалась более чем скупой, а подчас и неточно с фактической стороны. Все характеристики и оценки вполне укладывались в старые схемы 20-х годов, что во многом было обусловлено соответствующей подборкой материала в сборнике «Союз русского народа» (1929).

Доказательно для рубежа 60—70-х годов «внимание» к правомонархическим партиям в таком «обобщающем» труде как «В.И.Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970). В лучшем случае в книге упоминались лишь деятели правомонархического толка, но не сами партии;

"Но время брало свое. И за формальными «подвижками» вскоре наступили и концептуальные. Это было связано с выходом в свет монографий и статей Л.М.Спирина, С.А.Степанова, Н.Г.Королевой, Р.Ш.Ганелина и др.[^]

Л. М. Спириц)фактически открыл новый этап изучения правомонархических партий как части общероссийской партийной системы с привлечением новых источников и

¹ СИЭ. Т. 13. М., 1971. С. 507-508.

² Спириц Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977; Королева Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905—1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992; Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992 (очерки Р.Ш.Ганелина, Б.И.Колоницкого, Д.И.Раскина и др.); Нарский И.В. «Революционеры справа». Черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. Материалы к исследованию «русскости». Екатеринбург, 1994.

освещением достаточно широкого круга вопросов, нередко исследуемых впервые. Автор дал характеристику СРН, РМП, Русского собрания, их весьма сходным партийным программам, попытался определить численность и состав правых партий, обрисовать их деятельность, структурные подразделения, призванные облегчить материальное положение рядовых «союзников» (кассы взаимопомощи, столовые, чайные, продовольственные лавки), тактику на различных этапах движения (от создания боевых дружин для борьбы с революционным и либерально-оппозиционным Движением до челобитных властям). Спирин одним из первых (если не первым) рассмотрел вопрос о расколе правомонархистов, показав, что он инициировался ДП МВД, стремившимся выдвинуть после революции 1905—1907 гг. на первые позиции деятелей обновленческого типа, которые активно участвовали бы в Гос. думе, сотрудничали бы с правительством и т.п. заслуживает внимания и определение Л.М.Спириным места и роли правых на различных этапах. Так, он писал, что «помещичье-монархические партии в 1905—1907 гг. располагали значительной силой и смогли оказать весьма существенную поддержку самодержавию, что повлияло на ход и исход революции»¹. Вместе с тем Спирин показал, что правым монархистам на протяжении всего их существования «не удалось консолидировать свои силы». Думается, справедливо и его суждение о том, что «монархизм и фашизм по своей социальной природе — разные явления, и сблизить их, тем более отождествлять, было бы неверно»². К этому следует добавить, что они различались и по целям своей деятельности: если правые отстаивали прежние социально-политические устои, то фашисты выступали против этих устоев.

Однако на монографии Л.М.Спирина все же лежал и определенный отпечаток времени. Численность правых, определенная путем расчета, была в несколько раз занижена — до 100 тыс. (хотя имелись, пусть неточные, данные ДП МВД), состав СРН характеризовался по старым шаблонам, из состава местных правых организаций практически исключались рабочие и

После монографии Л.М.Спирина стали появляться (достаточно редко), работы других авторов. Вышли исследования об идеологии и политических воззрениях правых

¹ Спирин Л.М. Указ. соч. С. 175.

² Там же. С. 211-213, 287.

С.А.Степанова, Д.И.Раскина, А.В.Репникова¹, были защищены. диссертации по такой не разрабатывавшейся ранее теме, как социально-экономические взгляды русских консерваторов (А.В.Елисеев, В.В.Абушик, К.Л.Медолазов)²(Появились работы об отдельных правых партиях (С.А.Степанов, Р.Ш.Ганелин) и об их деятельности в регионах³?|Но даже в 1980-е годы продвижение вперед было

¹ См.: Степанов С.А. Идеология черносотенных союзов и организаций // Проблемы истории СССР. Вып. 12. М., 1982; Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX — начале XX в. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1 (Россия и русское зарубежье). СПб., 1992. С. 5—46; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

² См., например: Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в. АКД. М., 1997.

³ См.: Сысоева Е.К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губ. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1978; Стеценко А.И., Точеный Д.С. Черносотенцы Поволжья в 1905 г. // Классовая борьба в Поволжье в 1905—1907 гг. Куйбышев, 1985; Иванова А.П. Из опыта борьбы казанских большевиков против идеологии черносотенства в революции 1905—1907 гг. // Общественные отношения развитого социализма. Казань, 1985; Слободян В.М. Деятельность большевиков Сибири по организации борьбы рабочих с черносотенцами во время высшего подъема первой российской революции // Организация и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма и капитализма: Межвузов, тематический сборник научных трудов. Омск, 1987; Савчин М.С. Правомонархические организации в России // НауКОВі прац з питань політично; історії. Київ, 1991. Вып. 169. С. 52-80; Скрипник М.О. Партия СРН // Там же. С. 60-68; Нарский И.В. Указ. соч.; Толочко А.П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 — февраль 1917 гг. // Материалы к Хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Томск, 1994; Михайлова Е.М. Черносотенные организации Среднего Поволжья между буржуазно-демократическими революциями. 1994; Воротной К.В. Черносотенное движение в Костромской губ. // Костромская провинция в составе Российского государства. Кострома, 1994; Абушик В.В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905—1907 гг.). М., 1995; Лавриков С.В. Правомонархическое движение в Тверской губ. в 1905—1915 гг. АКД. Тверь, 1996; Фомин И.Е. К вопросу об образовании монархических организаций в Центральной России // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тамбов, 1996; Салпанов Н.М. Политический консерватизм в российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905—1914 гг.). АКД. Курск, 1997; Белов А.М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905—1907 гг. Кострома, 1997; Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). Омск, 1999; Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905-1917. АКД. Томск, 2000.

весьма медленным. Об этом свидетельствует и статья О.В.Волобуева, М.И.Леонова, А.И.Уткина и В.В.Шелохаева «История политических партий России 1907—1914 годов в советской историографии», опубликованная в 1989 г., где правым партиям был посвящен лишь один абзацев нем итоги по изучению темы подводились следующим образом: «Известный сдвиг наметился и в изучении черносотенных партий и организаций [в этом месте была сделана отсылка к работам Л.М.Спирина, В.С.Дякина, А.Я.Авреха, С.А.Степанова. — Ю.К.]. В ряде работ с привлечением архивного материала показан углубляющийся кризис, охватывавший все структурные звенья этих партий (развал местных партийных организаций, свары и дразги в «верхнем эшелоне» их руководства, сокращение масштабов агитационно-пропагандистской деятельности и т.д.)». Вместе с тем в статье констатировалось, что «история партий правительственного лагеря требует дальнейшего углубленного изучения»¹.

Переход к новому этапу в развитии отечественной историографии был очень непростым. Прежде всего давал о себе знать груз прежних, весьма однобоких и тенденциозных представлений об истории России, порожденных вульгарным классово-формационным подходом и специфической трактовкой «партийности» в исторической науке. Поэтому в работах 80-х и даже 90-х годов можно увидеть своеобразное «сожительство» новых и старых подходов и оценок, некритическое использование пришедшей из публицистики терминологии и т.п. Даже в некоторых лучших работах (С.А.Степанова, И.В.Нарского) присутствовали сугубо публицистические названия: «Черная сотня», «Революционеры справа». К подобного рода терминам следует, видимо, отнести и такой, как «правые радикалы», нередко употребляемый в литературе. Однако авторы ряда работ стали придерживаться и более академической терминологии: «правомонархические партии», «крайние правые», «традиционалисты-монархисты», «консервативные монархисты», «правые националисты» и т.п. Проявились работы, в которых делалась попытка раскрыть содержание термина «черная сотня» в понимании правых, а также радикалов и либералов: в первом случае оно сводилось к понятию законопослушные верноподданные, во втором — погромщики². Обращалось внимание и на то,

¹ Вопросы истории. 1989. № 4. С. 159.

² См.: Раскин Д.И. Указ. соч. С. 10.

что употреблявшееся подчас представителями властных структур по отношению к правым выражение «революционеры справа» (за их критику политики правительства), самими правыми отвергалось¹.

В исследовании программных документов, прежде всего в той их части, которая касалась политического устройства государства, немало преуспел С.А.Степанов, ограничившийся, правда, в основном, изначальными документами² притом лишь основных правых партий².

(Ц.И.Раскин отмечал, что главные элементы идеологии нового (правомонархического) общественного движения сформировались в недрах такой поначалу сугубо интеллигентуальной, научно-просветительной и лишь затем вышедшей за политическую аренду организации, как Русское собрание, возникшей в 1900 г. и особенно ярко проявившей себя в 1905 — 1907 гг., когда она оказала заметное влияние на формирование правомонархических партий. В числе фундаментальных идей Русского собрания автор назвал следующие: единение царя с народом; самодержавие как залог исполнения русским народом его всемирного христианского призвания; нетождественность царя и его правительства, «бюрократии»; необходимость внешнего могущества Российской империи; сохранение ее единства и неделимости; подчинение интересов всех населяющих империю народов интересам государства и первенствующего в этом государстве русского народа; широкое местное самоуправление и инициатива при использовании традиционных для русской государственности форм (земство); антисемитизм, оправдываемый утверждением о «всемирном еврейском заговоре» с целью установления мирового господства; преимущественное развитие сельского хозяйства; устранение зависимости России от иностранных рынков и международного кредита, своего рода экономической изоляционизм, протекционизм в промышленности. Программа Русского собрания предусматривала «просвещение на началах русской государственности», преобладание русского языка как государственного. Провозглашалось, что «племенные вопросы должны разрешаться сообразно степени готовнос-

¹ Правые в 1915 — феврале 1917 гг. // Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М.; СПб., 1993. С. 152.

² Степанов С.А. Программы черносотенных организаций (1905 — 1907) // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 105-111.

ти отдельной народности служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач»¹.

В 90-х годах появились исследования, посвященные анализу представлений правых об экономическом развитии страны. В первом выпуске книги «Национальная правая прежде и теперь» (СПб., 1992) указывалось на «идею особого русского пути» в экономике². Аграрные сюжеты в концепции правых «русских националистов» рассмотрел в своей диссертации А.В.Елисеев. Он отмечал, что, несмотря на расхождение интересов дворян-консерваторов и крестьян, правым партиям удалось получить поддержку части крестьянства. Огромную роль в этом отношении сыграл «врожденный» монархизм патриархальной деревни, привлекательность этнократии для крестьянского населения смешанных (в национальном плане) губерний, агитационно-пропагандистское искусство черносотенных активистов. По мнению автора, требования правых националистов во многом, хотя далеко не во всем, отвечали настроениям многих крестьян³. Программные документы правых содержали требования улучшения жизни крестьян, признавали желательной продажу крестьянам земли при условии гарантий правильной ее обработки, указывали на необходимость ликвидации дефицита оборотных средств путем создания эффективной кредитной системы. Касаясь отношения правых к общине, А.В.Елисеев обратил внимание на наличие двух различных подходов к этому вопросу. Представители обновленцев (включая членов Союза Михаила Архангела) указывали на неэффективность общины, ратовали за крестьянина-собственника, за «маленького помещика», хотя и признавали, что у общины есть немало положительных черт. Ортодоксальные правые (Дубровинский СРН, К.Н.Пасхалов, а также С.Ф.Шарапов, А.Г.Щербатов) рассматривали общину как основу «национальной самобытности» и гаранта достигнутого благосостояния. По мнению Елисеева, они видели в «сельском мире» универсальный нравственный регулятор, смягчавший формализм юридического подхода «полюбовным» соглашением». Правые были далеки от приписывания общине социалистической ориентации. Наоборот, они считали ее средством борьбы с радикальным движением. «Хутор-

1 См.: Раскин Д.И. Указ. соч. С. 8-9.

2 Там же. С. 37.

3 См.: Елисеев А.В. Указ. соч. С. 7.

екая реформа» Столыпина виделась этому крылу правых «фабрикой пролетаризации» населения, оставлявшей без поддержки тех, кто, выйдя из общины, не мог приспособиться к новым условиям или попадал в затруднительное положение.

А.В.Елисеев остановился также на негативном отношении правых к индустриализации России, которую они считали несвоевременной и искусственной при узости внутреннего и отсутствии внешнего рынка. Основой российской экономики они считали сельское хозяйство, полагая, что насаждение промышленности отнимает у земледелия рабочие руки (К.Н.Пасхалов, С.Ф.Шарапов). Правда, как считал, например, Д.И.Иловайский, необходимо было способствовать ускоренному развитию обрабатывающей промышленности. Правые были убеждены в спекулятивном характере иностранных предприятий, которые, по их мнению, делали ставку на высокооплачиваемые казенные заказы и высокие цены. По этой причине правые выступали за ограждение русской промышленности от экспансии иностранного капитала и наплыва зарубежных товаров, указывая на необходимость «ужесточения таможенной политики». Но и в данном случае «экономический национализм» принимал более мягкие формы, когда речь заходила о ввозе сельскохозяйственных машин.

Народнохозяйственная программа правых тесно увязывалась со «стабильностью самодержавно-патриархального строя России». Правые указывали на огромный недостаток денежных средств в стране (и соответственно ограниченные возможности кредитования) и связывали это с желанием министерства финансов любой ценой поддержать «золотое основание». Мелкий же кредит, за который ратовали правые, мог быть обеспечен лишь при наличии значительной денежной массы, «подстрахованной» надежной, сильной самодержавной властью и ее политикой поощрения трудовой активности всех слоев населения. Критика правыми золотого монометаллизма, как отмечал А.В.Елисеев, «отвечала интересам аграрного большинства, мелким и средним слоям города, то есть тем социальным силам, которые находились на периферии финансово-кредитного движения, рвущегося в крупную городскую промышленность»¹.

¹ Елисеев А.В. Указ. соч. С. 9, 10, 11-12, 15, 16,

Позиция правых по вопросам международной политики и дееспособности российской армии, национального устройства страны, школьного и высшего образования, культурной жизни исследованы пока на весьма ограниченном материале, не дающем всестороннего представления по затрагиваемому предмету. Тем не менее отдельные наблюдения специалистов представляют несомненный интерес. Так, Д.И.Раскин отмечал, что во внешней политике после 1905 г. правые поддерживали тяготение к Германии и здесь проявилась их традиционная враждебность к Англии. В определенной мере это объяснялось схожестью государственного устройства России и Германии. Правые высказывались за союз России с Францией и одновременно с Германией против Англии. Подобная позиция «существенно ослабила политические позиции черносотенцев в 1914 — 1917 гг.». Кроме того, использование правыми идеи панславизма определяло конфронтацию с Австро-Венгрией¹.

В литературе последнего времени сделано многое для преодоления тенденциозных стереотипов в освещении вопроса о социальной базе правых партий и организаций, а также о составе участников столкновений, связанных с объявлением Манифеста 17 октября 1905 г. Достаточно сказать, что даже в монографии Л.М.Спирина социальный состав правых организаций определялся следующим образом: «Рядовые члены их были главным образом из мелких лавочников, торговцев, владельцев трактиров, пивных, гостиниц, постоялых дворов, а также дворников и извозчиков. Монархисты привлекали в свои организации люмпен-пролетариев, представителей «дна» и даже преступного мира. Но ошибаются те историки, которые считают, что последний слой составлял главную часть черносотенно-монархических партий»². Один из исследователей, И.В.Нарский, заметил по поводу освещения социального состава правых партий: «Наблюдаемое в отечественных исследованиях смещение акцентов в сторону корыстных мотивов вступления в организации и объяснение массовой поддержки «черной сотни» нечистоплотностью методов вербовки в ее члены представляются рецидивами сложивших-

¹ Раскин Д.И. Указ. соч. С. 18 — 19; см. также: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989 (гл. II. Межпартийная борьба по вопросам внешней политики в преддверии весенне-летней кампании 1916 г.).

² Спирина Л.М. Указ. соч. С. 168.

ся в дореволюционный период стереотипов»¹. Практически все исследователи истории правых партий и организаций последнего времени констатировали весьма разнообразный социально-профессиональный состав их членов, среди которых в промышленных центрах было немало рабочих. Характеристика состава правых организаций, как отребья общества и т.п., была преодолена.

С.А.Степанов не только отмечал наличие правых организаций на целом ряде крупных предприятий, включая столичные, но и констатировал, что в этих организациях были как представители «рабочей аристократии», так и неквалифицированные рабочие при отсутствии средней прослойки². Степанов остановился также на возникновении «Союза русских рабочих» в Киеве в 1907 г., создании рабочих артелей (в Одессе среди портовых грузчиков), а также «Российского экономического союза» при Союзе Михаила Архангела, который ставил задачей улучшение быта рабочих.

Интересную, хотя и не бесспорную, попытку показать социальную базу правых партий и организаций и ее изменение осуществил Д.И.Раскин. Он отмечает, что СРН и родственные ему организации «действовали главным образом в городах, где их сторонниками были представители администрации, часть интеллигенции, мелкого купечества (крупные предприниматели и финансисты, как правило, черносотенцев не поддерживали), ремесленники, городские люмпены, значительная часть духовенства (больше низшего и среднего, нежели высшего), а также отставные офицеры..., полицейские. Массовой опоры среди крестьянства у черносотенцев не было, как бы они ни пытались ее создать. Единственное место, где крайне правым удалось создать массовую организацию среди крестьян, была Волянь, но там социальные противоречия дополнялись национальными (крестьяне — украинцы и помещики — поляки, а посредники, торговцы и т.п. — евреи) В рабочей среде черносотенная пропаганда имела временные успехи... ей противостояла гораздо более эффективная пропаганда социалистов, так что подавляющее большинство рабочих, вовлеченных в деятельность черносотенных органи-

¹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 9.

² См.: Степанов С.А. Рабочие и черносотенные организации. 1905—1917 // Рабочие и интеллигенция. Россия в эпоху реформ и революций. 1861 - февраль 1917. СПб., 1997. С. 371.

заций, от них отошла. А представители низшей администрации, принадлежавшие к числу черносотенцев (мастера и т.п.), нередко вынуждены были скрывать свою принадлежность»¹. В приведенном высказывании бездоказательным представляется утверждение о том, что главной ареной деятельности правых были города. Возможно, на этих выводах Д.И.Раскина отразились довольно острые в прошлом споры по вопросу, являлось ли крестьянство социальной базой царизма или нет. Вместе с тем можно упрекнуть автора и за то, что он далеко не всегда объясняет причины изменения отношения того или иного социального слоя к правым партиям и организациям.

Необходимо отметить, что в исследованиях 90-х годов социальная база правомонархических организаций все же заметно «расширилась». И за этим последовал «свежий» взгляд и на численность правомонархистов. Если в советской литературе их численность в 1908 г. определялась в 100—200 тыс. членов, то в работах последнего десятилетия на основе сбора конкретных данных она определяется цифрой в 400—410 тыс. человек². Именно такие данные подкрепляются и региональными показателями, опубликованными А.М.Беловым, Н.М.Салпановым, А.П.Толочко и др.

В новейшей литературе стала впервые разрабатываться и такая тема³, как деятельность правомонархических организаций по повышению культурно-образовательного уровня народа³.

Особый и важный аспект истории правых партий был затронут в монографии А.В.Шевцова об издательской деятельности несоциалистических партий, где правой печати посвящено две главы. Книга, подготовленная и изданная

¹ Раскин Д.И. Указ. соч. С. 13.

² См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 105, 108, 109; Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX в. М., 1996. С. 576; Кирьянов Ю.И. Численность и состав правых партий в России в 1908—1916 гг.: тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. № 5; Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 221.

³ См.: Абушик В.В. Деятельность монархических организаций Центральной России по повышению культурно-образовательного уровня народа // Политические партии и общественные движения стран содружества (XIX—XX вв.): история, источниковедение, историография и современность. Владимир, 1995; Медолазов К.Л. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901—1913 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999.

Российской национальной библиотекой, содержит не только богатый материал, опирающийся на собрание этой библиотеки и порой отсутствующий в других книгохранилищах, но и дает высокопрофессиональную его классификацию и характеристику. Это позволяет автору выходить на обсуждение целого ряда общих вопросов: этапы развития правых партий и организаций, причины раздоров в их среде, контакты правых партий с правительством, причины угасания внимания населения к правой печати и др.¹

В последние годы вновь привлек внимание такой неоднозначно освещавшийся в литературе вопрос, как отношения между властями и правомонархическими партиями и организациями. В вышедшей в 1995 г. коллективной монографии «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия» есть специальная глава о «правых радикалах» в 1905—1917 гг. (ее автором являлся И.С.Розенталь). В этой и других работах в большей или меньшей мере освещались непростые отношения властных структур (правительства, местной администрации) и правых партий и организаций, указывались причины разлада между ними. Автор не только констатировал, что отношение правительства и прежде всего премьера П.А.Столыпина к правым резко изменилось сразу же после революции, когда отпала потребность в партиях «уличного действия», но он и отмечал, что причиной изменения правительственного курса в этом вопросе явилось нежелание Столыпина иметь рядом с собой «второе правительство», которое нередко действовало через его голову, выходя со своими предложениями непосредственно на царя². Местная же власть нередко отгораживалась от назойливых правых, не желая иметь дополнительные хлопоты. Хотя отношение властей к правым изменилось, они продолжали получать от властей определенную материальную поддержку, а к их голосу нередко прислушивались даже представители высшей администрации. Так, в 1908 г. московский генерал-губернатор отменил по рекомендации СРН постановление Московской городской думы о чествовании Л.Н.Толстого в связи с его 80-летием³.

¹ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб., 1997. С. 169-172, 212, 215, 218, 229, 230.

² Власть и оппозиция... С. 27.

³ Там же. С. 29.

В литературе последних лет был поставлен вопрос об этапах деятельности правых партий и организаций. Свою лепту в его решение внесли И.В.Нарский, С.А.Степанов, Ю.И.Кирьянов, А.В.Шевцов и др. При этом наряду с такими основополагающими вехами, как конец 1905 г., 1908 г., 1915 г. и февраль 1917 г., была сделана попытка обосновать и такой промежуточный рубеж, как конец 1911 г.

При изучении истории правых партий и организаций внимание исследователей, естественно, было привлечено к выяснению причин их кризиса и необычного, «безмолвного» схода с политической арены в 1917 г. На этом вопросе специально останавливались А.Я.Аврех, Р.Ш.Ганелин, И.В.Нарский, С.А.Степанов, Ю.И.Кирьянов, Н.М.Салпанов и др.¹

Говоря о банкротстве правых партий накануне Первой мировой войны, А.Я.Аврех в своей работе «Царизм и IV Дума» отметил, что все попытки правых расширить социальную базу (прежде всего за счет крестьянства) были связаны с обещаниями, которые являлись не более чем социальной демагогией. Эти обещания оказались неосуществимыми, т.к. затрагивали права собственности дворянства и буржуазии². С высказыванием А.Я.Авреха в определенной мере перекликается суждение Д.И.Раскина: «Хотя многие идеологические стереотипы (правых. — Ю.К.) совпадали с элементами бытового сознания достаточно широких слоев населения: офицерства, духовенства, части чиновничества, части низших слоев интеллигенции, а также предрассудками народных масс, полного совпадения не произошло, — писал он. — Эффективность популизма черносотенцев заметно ограничивалась консерватизмом правящих структур. А для значительной части населения страны, потенциально предрасположенной к восприимчивости любых популистско-экстремистских идеологий, черносотенное движение все же не сулило удовлетворения их со-

¹ См.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912-1914 гг. М., 1981.; Ганелин Р.Ш. «Союзники» и крушение царизма // Национальная правая прежде и теперь. СПб., 1992; Нарский И.В. Указ. соч.; Степанов С.А. Рабочие и черносотенные организации. 1905 — 1917 // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России (1905 — 1917 гг.): причины кризиса и краха // Россия: XXI в. М., 1999. № 2 (Март—апрель). С. 146—177; Салпанов Н.М. Указ. соч.

² См.: Аврех А.Я. Указ. соч. С. 237 и др.

циальных претензий»¹. Однако утверждения о том, что причиной кризиса правомонархистов являлись невыполнимость их обещаний, обращенных к крестьянам, их демагогия, популизм, едва ли могут быть признаны состоятельными. Программа законопослушных верноподданных, в том числе и экономическая, была достаточно реалистичной и по исповедуемым ими взглядам не могла опираться на демагогию и популизм. Н.М.Салпанов, касаясь деятельности монархистов в предвоенный период и особенно в годы мировой войны и констатируя, что они «растеряли значительную часть своего влияния», указывал на целый комплекс причин этого явления: «глубокий идейный кризис монархизма, вылившийся в ряд политических просчетов, экономическая зависимость правых от правительственной субсидии, внутренний кризис консервативных партий, кроющийся в глубоком социальном разрыве между руководством организаций и ее рядовыми членами»².

Думается, что в основе кризиса правых партий и организаций действительно лежал комплекс достаточно разнообразных причин, связанных и со спадом массового революционного движения, и с нежеланием премьера иметь рядом с собой «второе правительство», которое оказывало бы определенное влияние на царя, и с негативным отношением к правым со стороны интеллигенции и предпринимателей, и с невниманием царя, интересы которого они так ревностно отстаивали, и с условиями военного времени, и с непониманием такой акции царя, как отречение от престола.

В литературе последних лет вновь был поднят вопрос о соотношении правого монархизма и фашизма. Достаточно четко свою позицию по этому вопросу сформулировал Д.И.Раскин, склоняющийся к тому, что черносотенство — это «предфашизм». Он писал: «В России праворадикальное движение не стало достаточно крупной политической силой к 1917 г., не успело развиться до своего логического завершения. Отсюда его связь с традиционным консерватизмом, опирающимся на идеи «чистого» монархизма и православия, отсюда его недостаточная определенность во всем, что касалось экономической и социально-политической программы. Отсюда же и отсутствие у черносотенцев окончательно сложившейся идеи единого вождя, фюрера. Поэтому, если отождествить русское черносотенство с фашизмом (в широком понимании этого слова), то речь

¹ Раскин Д.И. Указ. соч. С. 42—43.

² Салпанов Н.М. Указ. соч. С. 21.

должна идти о фашизме недоразвившемся, о «предфашизме». Однако фашистские потенции этой идеологии несомненны...»¹.

По поводу этого высказывания можно заметить, что в нем не учитываются различия в целях правых и фашистов, на что уже обращалось внимание². Что же касается так называемого вождизма, как одного из главных компонентов фашистской идеологии, то сам Раскин признает, что хотя черносотенцы почти вплотную приблизились к идее фюрерства, «единого лидера черносотенное движение так и не создало, а традиции «монархомании» не способствовали формированию образа «вождя нации», который бы действовал рядом с легитимным монархом...»³. Дубровина действительно в ряде писем называли «вождем», однако это был такой «вождь», распоряжения которого в годы войны подчас не выполнялись даже его сторонниками на местах.

В некоторых работах последнего времени затрагивался вопрос об изменении умонастроения рядовых «союзников» после 1917 г., ставших «красными» в последующее время. Ю.Каграманов в полемической статье «Черносотенство: прошлое и перспективы» (1999) заметил: «...совсем не редки были многими из современников замеченные случаи перехода рядовых черносотенцев в лагерь большевиков»⁴. Этот сюжет был затронут и в статье С.В.Леонова. Однако, сделанное им заключение оставляло пространство для различных точек зрения. Он отметил, что многочисленные свидетельства современников о массовом переходе черносотенцев в ряды большевиков, на сторону советской власти не нашли пока еще документального подтверждения. И далее он заключает: «детального исследования... политической судьбы рядовых традиционалистов в 1917 г. пока нет»⁵. Это мнение С.В.Леонова вполне отражает неразработанность вопроса в литературе и общего, и регионального характера⁶.

¹ Раскин Д.И. Указ. соч. С. 42.

² См.: Рылов В.Ю. Правомонархическое движение в Воронежской губ. (1903-1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С. 26.

³ Раскин Д.И. Указ. соч. С. 32.

⁴ Новый мир. 1999. № 6. С. 156, а также с. 154.

⁵ Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX—1917 г.) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 41.

⁶ Лишь в последние годы появились работы, отражающие именно такой подход. См.: История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995; Политические партии и общество в России. 1914—1917 гг.: Сб. статей и документов. М., 2000; Политические партии России: История и современность. М., 2000.

Особо следует сказать о зарубежной литературе 1960—1980-х годов. Сравнительно слабое внимание зарубежных авторов к истории правых партий в России объясняется как традиционной их ориентацией на изучение радикального и либерально-буржуазного движений, так и труднодоступностью источников. Тем не менее некоторые западные историки обращались к этой тематике и выдвинули ряд заслуживающих внимания, хотя и не всегда бесспорных положений.

Одной из первых работ, затрагивавших эту тему, была монография Г.Я.Аронсона, изданная в Нью-Йорке в 1962 г. на русском языке. В этой книге, рассказывающей о различных политических течениях в России до 1917 г., определенное место было отведено и монархистам. Автор показывал противостояние Союза русского народа и Столыпина и подчеркивал, что премьер отстаивал «конституционализм» (даже «с русской бородой» и «с русскими рукавицами», как писал В.В.Розанов), а правые не хотели никакого, даже «истинно-русского» конституционализма, обвиняя Столыпина в том, что «он стремится ограничить самодержавие царя и даже больше, — этот «сильный человек» грозит своим авторитетом вытеснить царя». В этой связи Аронсон пишет, что некоторые законопроекты Столыпина отвергались правым большинством Государственного совета, возглавлявшимся А.Ф.Треповым и П.Н.Дурново, поскольку там преобладали члены по назначению царя.

Характеризуя влияние различных партий как «в массе», так и «среди интеллигенции», Аронсон констатировал, что оно было «невелико», их авторитет «довольно-таки поблек»¹.

Несколькими годами позднее американский исследователь Г.Роггер посвятил истории правых партий и организаций в России несколько статей и монографий. В 1964 г. вышли две его статьи — «Формирование русских правых» и «Существовал ли русский фашизм?». Роггер констатировал, что правые партии формировались одновременно с другими партиями, но в отличие от либералов и социалистов, довольно быстро консолидировавшихся, для правых была характерна разрозненность действий. В качестве «социальной основы» правых партий Роггер называл помещи-

¹ Аронсон Г.Я. Россия накануне революции. Исторические этюды: монархисты, либералы, масоны, социалисты. N.J., 1962. С. 8, 119.

ков, крестьян, духовенство и купечество. Далее Роггер делал заключение, что, несмотря на контакты правых партий с охранкой, они не являлись детищем полицейских властей и на первом этапе своего существования не пользовались субсидиями правительственных учреждений. Первая часть этого положения получила поддержку некоторых историков¹. По поводу поставленного еще в 20-е годы вопроса о соотношении правого монархизма и фашизма Роггер пишет, что в России не было и не могло быть ни фашизма, ни национал-социализма, появившихся там, «где дискредитировали себя либерализм, демократия или социализм».

Отдавая должное зарубежным работам, советская литература 80-х годов отмечала гипертрофированный интерес западных исследователей к антисемитизму как «компоненту черносотенной идеологии», их стремление «рассматривать всю деятельность правых партий в контексте еврейского вопроса»².

Обозревая литературу последних лет, следует остановиться на вышедших практически одновременно книгах У.Лакёра и В.В.Кожина. Книга Уолтера Лакёра называется «Черная сотня. Истоки русского фашизма». Она издана в Вашингтоне в 1994 г. на русском языке. Книги В.В.Кожина называются: «Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция» (М., 1995) и «Черносотенцы» и революция (загадочные страницы истории)» (Изд. 2-е, дополненное. М., 1998). Эти работы отражали как бы две различные версии, два подхода к изучению истории правых в 1905—1917 гг.: старый с акцентом на утверждении об активной погромной, антисемитской деятельности правых и их зависимости от правительственных субсидий и новый, знаменовавший собой шаги к разрушению и пересмотру зафиксированных прежней литературой представлений на этот счет.

В книге У.Лакёра встречаются стереотипы: базой черной сотни была странная смесь «аристократии, самой отсталой части мелкой буржуазии и отребья больших городов»; «нередко в ее среде преобладал уголовный элемент»; «черная сотня» вошла в историю, главным образом, как

¹ См.: Спириин Л.М. Указ. соч. С. 98-99; Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Д.Б., Степанов С.А., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905—1907 гг. (Обзор новейшей немарксистской историографии) // История СССР. 1989. № 6. С. 191; см. также: Лавриков С.В. Указ. соч. С. 10.

² См.: Канищева Н.И. и др. Указ. соч. С. 192.

устроитель антиеврейских погромов 1905—1906 гг.»; «партия шла к фашизму»¹ и т.д.

В.В.Кожин, касаясь тех же вопросов, которые были затронуты У.Лакёром, освещает и интерпретирует их совсем иначе. Это относится прежде всего к раскрытию термина «черносотенцы». Кожин подчеркивает, что прошлые представления о правых связывались обычно с «черным террором», погромами, «кошмарной деятельностью» Н.Е.Маркова, В.М.Пуришкевича, А.И.Дубровина и других. При этом свое отношение к подобному рода характеристикам и оценкам он выражает так: «Черносотенство подверглось поистине ни с чем не сравнимому «очернению»². Остановившись на характеристике правых лидеров, он пишет: «Превращение их в неких чудовищ не имеет под собой никаких реальных оснований. Пуришкевич, Марков и даже более «сомнительный» Дубровин по своим человеческим и политическим качествам ничем не хуже — хотя, быть может, и не лучше — лидеров других партий своего времени»³. В то же время Кожин обращает внимание на «роковую разрушительную роль» «таких либеральных» деятелей, как А.И.Гучков, П.М.Милюков и др., а о речи В.М.Пуришкевича в Думе в ноябре 1916 г. говорит как о его «отступничестве»⁴.

Смысл высказываний Кожина по такому острому вопросу, как погромы, сводится к тому, что образовавшийся в ноябре 1905 г. СРН не мог быть организатором этих столкновений различных групп населения: они возникали как стихийная реакция консервативно-монархически настроенной части населения на поведение либералов и радикалов (восторженное или, наоборот, критическое) в связи с объявлением Манифеста 17 октября 1905 г. Погромы в основном приходились на октябрь (до 700), «хотя «черные сотни» — только еще «организуются», а после того, как они «уже организованы», происходит всего 2 или, точнее, 3 погрома (начиная с 1907 г. погромов уже вообще не было, если не считать позднейшего военного...)»⁵. К тому

¹ Лакёр У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994. С. 54, 55, 56, 65.

² Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М., 1995. С. 67.

³ Там же. С. 69.

⁴ См.: Там же. С. 82-88.

⁵ Там же. С. 113.

же, 3 города, где произошли погромы после октября 1905 г., находились в польских и латышских губерниях, где влияние отделов СРН было крайне слабым и организовать подобные акции они не могли. Можно добавить, что такая же точка зрения высказывалась в литературе последнего десятилетия и до, и после Кожина, причем исследователями-историками. Говорил об этом С.А.Степанов в своей монографии, вышедшей за три года до появления книги В.В.Кожина,¹ а С.П.Бутин в 1998 г. писал, что нет сведений «о прямой причастности правительства (и косвенной и не только правительства, но и черносотенных организаций)» к погромам.² Исследователь правомонархического движения в Воронежской губ. В.Ю.Рылов в своей диссертации утверждает: «Никакой серьезной политической организации правого толка, способной активно противостоять революционному и либеральному движению, тем более организовать погром, в Воронеже в 1905 г. не было... Революционерам противостояли в те дни монархически настроенные слои населения, а не черносотенцы. К тому же, погромы в большинстве своем несли не национальную, а политическую нагрузку — «черносотенцы» обвиняли евреев в денежной поддержке забастовочного движения, наличии большого числа лиц еврейской национальности в революционном движении»³.

В.В.Кожин указывает на недоказанность прямой причастности правых партий к получившим громкую известность убийствам М.Я.Герценштейна (в Териоках), Г.Б.Иоллоса (в Москве), А.Л.Караваева (в Екатеринославе). Последний, врач по профессии, по заключению судебного разбирательства уже в советское время, был убит своим же служащим, находившимся в сговоре с пациентом. Убийство Герценштейна, по свидетельству начальника Петербургского охранного отделения А.В.Герасимова, было организовано «не Союзом русского народа, хотя его члены, возможно, и принимали какое-то участие в этой акции, — но ни много ни мало тогдашним Петербургским градоначальником В.Ф. фон дер Лауницем, который ранее, до начала 1906 г., был Тамбовским губернатором и непосредственно столкнулся с крайне разрушительными «аграрными беспорядками» — этими самыми герценштей-

¹ Степанов С.А. Черная сотня в России. С. 156.

² Бутин С.П. Черносотенцы. СПб., 1998. С. 8.

³ См.: Рылов В.Ю. Указ. соч. С. 52-54.

новскими «иллюминациями»¹. К организации убийства редактора либеральной газеты «Русские ведомости» Иоллоса в 1907 г. был причастен «союзник» Казанцев, но непосредственными исполнителями являлись не члены правомонархической организации, а введенные им в заблуждение «революционные рабочие», которые, узнав об обмане, закололи и самого Казанцева. В заключение автор приводит слова националиста В.В.Шульгина о том, что об убийстве Герценштейна и Иоллоса «российская печать кричала куда больше, чем о сотнях и тысячах в эту же эпоху убитых русских». Союз Михаила Архангела, возглавляемый В.М.Пуришкевичем, выпустил об убитых левыми террористами государственных чиновниках и служащих далеко не полную 14-томную «Книгу русской скорби».

Можно с чем-то не соглашаться с В.В.Кожинным, но нельзя не признать, что он способствовал разрушению сложившихся политизированных стереотипов в освещении ряда важных и острых вопросов истории правого движения в России.

Советская литература называла любую партию выразительницей интересов того или иного класса или социального слоя. Между тем в 1905 г. появились «всесловные» по своему составу политические партии, выражавшие интересы определенной части населения, придерживавшейся — вне зависимости от сословной принадлежности — одинаковых или сходных взглядов если не по всем, то хотя бы по некоторым основополагающим вопросам. Такими являлись и правые партии, отстаивавшие существующие политические, духовные, культурные, бытовые, религиозные устои и начала (даже при сохранении различий в подходе к решению аграрного вопроса землевладельцами и крестьянами и т.п.).

Наиболее рельефно свежие подходы к освещению истории правых партий отразила однотомная энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века» (отв. редактор В.В.Шелохаев. М., 1996). Значимость этой работы состоит не только в формальном «уровнении» очерков о правых партиях с очерками о партиях радикальных и либеральных, но и в принципиально новых подходах к освещению истории всех партий. Эти подходы обозначены в предисловии, где говорится: «И

• Кожин В.В. Указ. соч. С. 79.

российский, и мировой опыт убеждает, что ни по своему социальному составу, ни по социальным группам и слоям, интересы которых декларируются в программах и лозунгах, нет и не может быть чисто классовых партий. Но проблема их классификации не сводима и к логике. В российском варианте особенно она требует учета и других характеристик: по менталитету, методам достижения поставленных целей, политической семантике и т.д. Пришло время также отказаться от негативно отмаркированных в советской историографии понятий, таких как «конституционализм», «реформизм», «эволюционизм», «соглашательство»; им следует дать новую оценку».

Новые подходы видны и при характеристике консервативных партий. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие места предисловия: «Выступая за использование достижений мировой науки и технологии, подчеркивая необходимость использования их, консерваторы были против перенесения на русскую почву западноевропейского политического опыта, либеральных доктринальных ценностей и заимствованных политических структур. Они не отрицали и желательности некоторого обновления авторитарного режима... Поощряя крупные формы развития промышленного производства, чиновники-бюрократы, по их (консерваторов. — Ю.К.) мнению, игнорировали развитие средней, мелкой и особенно кустарной промышленности, наиболее ярко отражавшие специфику национальной экономики... представители консерватизма подчеркивали, что при определении экономического курса страны следует прежде всего учитывать ее аграрно-крестьянский характер... региональную специфику, традиции, быт и нравы местного населения. С этой точки зрения их не устраивало вторжение чиновников-бюрократов в сферу крестьянской общины и крестьянского мира... Консерваторы стремились во что бы то ни стало сохранить традиционное унитарное государственное устройство... В теории и на практике они вели беспощадную борьбу против либералов с их лозунгом 'культурно-национальной' автономии и социалистов с лозунгами федерализма...»¹.

Новая историографическая ситуация способствовала разработке некоторых ранее специально не изучавшихся

¹ Политические партии России. XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 6.

аспектов. К их числу можно отнести такой вопрос, как тактика правомонархистов.

Хотя тактика является элементом деятельности любой партии и в литературе можно найти частые упоминания о тех или иных тактических шагах партийного руководства правых партий, работы по тематике правомонархистов появились лишь в последние годы¹.

Если советская литература о правых в качестве основного метода их действия указывала на погромы и террористические акты, национализм, принявший «откровенно зоологические формы»², то в новых работах (С.А.Степанов, В.В.Кожин, Ю.И.Кириянов, В.Ю.Рылов) это опровергается (по крайней мере для периода 1908—1917 гг.). Современные работы констатируют, что арсенал тактических приемов правых сводился в основном к направлению челобитных на имя царя, премьера, министров. Этими авторами на основе анализа материалов о деятельности правых партий в период выборов в IV Гос. думу, а также правой фракции Думы, анализа материалов об отношении правых к войне, к массовым выступлениям на почве хозяйственного и продовольственного кризиса, отмечается отсутствие гибкости правых и «косность» тактики, что ставило правых в менее выгодные условия по сравнению с их политическими противниками. Негибкость тактики правых имела следствием ее малую эффективность³.

Новым и важным аспектом разработки историко-партийной тематики стала характеристика моделей государственного и социально-экономического устройства и развития страны, предлагавшихся партиями различных политических направлений⁴. Подобный подход способствует не только более четкой фиксации основных, наиболее устойчивых взглядов представителей различных партий, но и облегчает их сопоставление, учет сильных и слабых сто-

¹ Фомин И.Е. Тактика монархических организаций Центральной России. АКД. М., 1994; раздел «Тактические позиции (1906—1909 гг.)» имеется в одной из глав монографии А.П.Толочко «Черносотенцы в Сибири (1905 г. - февраль 1917 г.). Омск, 1999. С. 49-63; Кириянов Ю.И. Тактика правых партий в России в начале XX в. (1911—1917 гг.) // Россия и современный мир. М., 1999. № 4(25). С. 90-110.

² См.: Залежский В. Указ. соч. С. 44; Комин В.В. Указ. соч. С. 14.

³ Кириянов Ю.И. Тактика правых... С. 109.

⁴ Шелохаев В.В. Многопартийность в России: особенности формирования // Политические партии России. М., 2000. С. 30—41; Леонов С.В. Указ. соч. С. 29-48.

рон, выявление не только различий, но и некоторых схожих положений.

Характеризуя взгляды правомонархистов на доктринальном уровне, В.В.Шелохаёв выделяет следующее: отстаивание самобытного пути развития, прежде всего самодержавного устройства государства (и отрицание необходимости перенесения на русскую почву западноевропейского политического опыта и либеральных ценностей); обновление режима путем избавления от «бюрократического нароста», отделившего царя от народа; предпочтение сельскому хозяйству, а в промышленности — среднему, мелкому и кустарному производству; поддержка столыпинской аграрной реформы с заявлениями правомонархистов дубровинского толка, направленными против форсированного разрушения общины, как определенного гаранта стабильного положения; отстаивание традиционного унитарного государственного устройства страны; отстаивание первенства православия на коренной территории России и первенствующей роли русской нации (как державной) и государственного русского языка; во внешнеполитическом курсе — ориентиры на родственные России монархические режимы (а не на страны буржуазной демократии)¹.

С.В.Леонов указал на следующие общие черты, характеризовавшие в той или иной мере большинство программ ведущих партий: «Во-первых, это стремление к усилению роли государства в экономике, социальной и иных сферах, что являлось своеобразной реакцией общества на процессы модернизации, и что — с различных позиций — выражали не только социалисты, но также и черносотенцы и часть либералов (особенно кадеты). Во-вторых, большинство партийных доктрин отличалось нереалистичностью их государственных моделей, либо обращенных в прошлое, к неограниченному самодержавию (СРН), либо, напротив, безоглядно взятых... из Западной Европы и предусматривавших, в частности, немедленное введение всеобщего и равного избирательного права, всех мыслимых демократических свобод», для осуществления которых в других странах потребовалось более шести веков².

В последние годы историко-партийная литература обогатилась работами, в которых был затронут и такой ранее

¹ См.: Шелохаев В.В. Многопартийность в России... // Политические партии России. С. 34—35.

² Леонов С.В. Указ. соч. С. 37.

не разрабатывавшийся аспект, как партийная система в России в конце XIX—1917 гг. С.В.Леонов, В.В.Шелохаев впервые предприняли попытку представить партии всех трех основных направлений — консервативного, либерального и радикального — на различных этапах их развития, причем в сравнительном плане. Анализ партийной системы страны, т.е. совокупности политических партий, обладающей определенной внутренней структурой, логикой развития и местом в политической системе общества, как отмечает С.В.Леонов, открывает новые возможности в исследовании особенностей и динамики политического процесса, а отчасти и идеологической «среды» России. Подобный подход позволяет не только лучше осмыслить деятельность и исторические шансы различных партий, но и в какой-то мере преодолеть известную «точечность», изолированность исследований событий 1917 г., увязать их с устойчивыми тенденциями политического и идеологического развития России, а тем самым — попытаться более всесторонне подойти к оценке вероятности тех или иных вариантов общественного развития¹.

С.В.Леонов связывает особенности формирования партийной системы в России с незавершенностью капиталистической модернизации и индустриализации страны, пережитками феодализма, незавершенностью классового образования. Политические партии в России, согласно его точки зрения, создавались «не столько на основе социальных интересов, еще не вполне кристаллизовавшихся, сколько идей», складывались «не столько на основе различных социальных общностей, групп, корпораций, как это было на Западе... сколько насаждались интеллигенцией»².

Факторами, способствовавшими образованию традиционалистско-монархических организаций (от Русского собрания до зубатовского «Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» и «Еврейской независимой рабочей партии» в начале XX в.), С.В.Леонов называет «активизацию либералов» и рост революционного движения³.

Автор констатирует существенные отличия в отношениях большинства партий Западной Европы и партий России к существовавшим в их странах политическим режимам. В

¹ Леонов С.В. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

Западной Европе большинство оппозиционных, в том числе и социалистических, партий было уже интегрировано в существовавшие в этих странах политические порядки и потому утратило свой радикализм. В России же партии в большинстве «не только были оппозиционны по отношению к существовавшему политическому режиму, но и стремились его разрушить (социалисты, националы, кадеты, отчасти и традиционалисты)»¹. С этим заключением можно согласиться, исключив, однако, традиционалистов (правомонархические партии) из числа стремящихся разрушить режим и из числа оппозиционеров. Желание некоторых правомонархистов (далеко не всех) вернуть политическое устройство страны к порядкам, существовавшим до 17 октября 1905 г., едва ли согласуется со смыслом приведенных выше характеристик (разрушители, оппозиционеры).

С.В.Леонов отмечает, что постепенно происходило «размывание идей и стереотипов, системообразующих для доктрин традиционалистов и, что еще более важно — для авторитарно-патриархальной политической культуры масс (которую и использовали черносотенцы)»². Падение религиозности населения, расширение «преступной пропаганды» в армии, значительное ослабление представлений о долге, патриотизме и святости присяги у крестьян, коими главным образом комплектовались войска, объяснялись тем, что большинство народных учителей, через руки которых проходило молодое поколение, являлись скрытыми социал-демократами или эсерами. Изменения *происходили* в пользу радикального крыла партийной системы.

Вместе с тем автор отмечает, что партии в России не стали парламентскими. Окончательно закрепилось их разделение на «думские» — либералы и «внедумские» — большинство социалистов и традиционалистов, «направлявших свою деятельность во многом против Думы, хотя и используя ее трибуну»³.

В целом же, подводя итог, С.В.Леонов писал, что в царской России «не сложилось стабильной, жизнеспособной партийной системы». «В результате партии сыграли важную (хотя и не для всех очевидную) роль в крушении государственной власти в феврале 1917 г.»⁴. Однако, эта

¹ Леонов С.В. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

оценка не связывалась автором с характерным для прошлой литературы замечанием, что радикальные партии руководили массовым движением: в статье указывается на существенное уменьшение к февралю 1917 г. численности всех партий, и правомонархических, и радикальных.

Заслуживают внимания работы последних лет, посвященные русскому консерватизму, — коллективная монография «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (Отв. ред. В.Я.Гросул. М., 2000) и доклад А.В.Репникова «Консервативная модель переустройства России», сделанный на одном из историко-политологических семинаров и опубликованный в сборнике «Россия в условиях трансформации. Материалы» (Вып. 2. М., 2000).

Авторы первой работы отмечают, что они не вкладывают в понятие «консерватизм» никакого негативного смысла и в этом отношении их понимание консерватизма принципиально отличается от определений, еще недавно фигурировавших в литературе, когда «консерватизм» подавался как «приверженность к старому, отжившему», как «вражда ко всему новому, передовому»¹.

А.В.Репников, попытавшийся выделить общие признаки, присущие консерватизму конца XIX — начала XX вв., как системе мировоззренческих ценностей, указал на следующее: 1. Отстаивание собственного национального пути страны, отличного от западного в политическом и духовно-нравственном аспектах, из чего следовало признание преобладающей роли государства и незыблемость самодержавной власти в России; допускалась возможность реформы с целью укрепления монархической власти; 2. Наличие религиозно-православной константы; 3. Стремление к сохранению общественной иерархии; 4. Настороженное отношение к капитализации страны и стремление учитывать специфику развития российской экономики; 5. Критика либерализма, парламентаризма и социализма².

Приведенные выше положения имеют прямое отношение к правомонархической идеологии и практике, а также к их историографии (о чем уже шла речь ранее). Право-

¹ Гросул В.Я. Заключение // Русский консерватизм... С. 417; см. также: выступление В.В.Зверева на обсуждении доклада А.В.Репникова // Россия в условиях трансформации. Материалы. Вып. 2. М., 2000. С. 33; Салпанов Н.М. Указ. соч.

² Репников А.В. Консервативная модель... С. 8.

монархические партии в большей или меньшей мере исповедовали приведенные выше «консервативные взгляды».

В названных книгах авторы касались и некоторых других вопросов: социальной базы консерватизма (ее основу составляло дворянство); этапов дворянского реванша и др. Однако, увидеть общее в трактовке этих сюжетов при исследовании консерватизма и истории правомонархических партий едва ли есть основание.

В разработке истории правых партий и организаций в России сделано немало, особенно за последнее десятилетие. Освобождение от идеологического прессинга, связанного с навязыванием тематики и определенных оценочных штампов, сразу же принесло положительные результаты, в частности и в разработке истории правомонархических партий и организаций. Тема заняла «принадлежащее» ей место. Историографические достижения позволили не только более полно и всесторонне, но и иначе, чем прежде, представить историю этих партий в обобщающих работах, учебных пособиях и других изданиях¹. Но сделано далеко не все. Как справедливо заметил И.В.Нарский, в историографии сохраняется масса спорных вопросов, значимость которых выходит за пределы конкретно-исторической разработки темы. К их числу Нарский относил следующие: можно ли считать СРН и аналогичные организации партиями или нет; корректно ли квалифицировать совокупность взглядов правых как идеологию; возможно ли характеризовать черносотенство как профашистское движение; каковы мотивы поддержки правых различными слоями населения и др.² Есть материал и для решения таких вопросов, как-то: экономический, социальный, национальный, религиозный и другие аспекты программ и практической деятельности правых, роль антисемитизма в идеологии и практике правых; связь погромных выступлений с деятельностью правых организаций; практическая деятельность руководящих органов правых партий между съездами; их взаимоотношения с местными организациями; деятельность правой фракции Государственной думы и пра-

¹ См., например: Мунчаев Ш.М., Устинов В.Л. Политическая история России от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С. 218—226; Политические партии и общество в России. 1914—1917: Сб. статей и документов. М., 2000; Политические партии в России. Страницы истории. М., 2000.; Историческая энциклопедия. Т. 1-3. М., 1998-2000.

² См.: Нарский И.В. Указ. соч. С. 8-9.

вой группы Государственного совета; влияние внешнеполитических факторов на отношение правительства и царя к правым партиям; место правых в партийном и общественном движении; причины их кризиса и ухода с политической сцены в 1917 г.; судьба функционеров правомонархических партий после марта 1917 г. и т.д.

Следует также констатировать, что преобладающая часть имеющейся литературы (в том числе и вышедшей в последнее время) посвящена раннему периоду деятельности правых, прежде всего 1905—1907 гг. Исходя из вышесказанного, автор настоящей работы избрал объектом своего исследования заключительный период деятельности правых (1911—1917 гг.). Из слабоизученных и малоразработанных аспектов проблемы в данной книге анализируются следующие: 1. Численность и состав правых партий и их изменения; 2. Съезды и совещания правых партий и их решения; 3. Практическая деятельность руководящих органов правых партий между съездами; их связи и взаимоотношения с организациями на местах; 4. Представления правых о государственном и социально-экономическом устройстве и развитии страны; 5. Тактика правых партий на различных этапах деятельности; 6. Общественная значимость их деятельности; 7. Причины кризиса и краха правых партий.